

Людмила Сараскина

Status in statu. Быть иезуитом

«Та же ли вера у нас, как у римлян, тот ли Христос, Христос, которому понадобились иезуиты?»¹

Ф.М. Достоевский

Выражение «status in statu» («государство в государстве») возникло во Франции в эпоху религиозных войн XVII века. Первым его использовал французский писатель из лагеря гугенотов Теодор Агриппа д'Обинье (1552–1630), боровшийся против абсолютизма католической церкви. В своем сочинении «Об обязанностях короля и подданных» (1610–1620), он приводил обвинения, которые католики предъявляют кальвинистам. Требования кальвинистов-реформаторов, по мнению католиков, были так обширны, что если выполнить их, это все равно что «создать государство в государстве». Формула д'Обинье повторялась и в других его сочинениях и впоследствии была подхвачена многими авторами².

В общекультурный обиход выражение «status in statu» вошло (чаще всего с неодобрительным или ироническим оттенком) для обозначения групп людей, живущих по своим особым законам, которые отличаются от общепринятых, или тех групп, которые ставят себя в исключительные условия и не подчиняются общему порядку, установленному в государстве.

Формула «государство в государстве» в ее латинском эквиваленте нашла широкое употребление и в текстах Ф.М. Достоевского. Нельзя не заметить, однако, что оборот «status in statu», встречаемый множество раз в «Дневнике писателя», имеет строго ограниченное жанровое и тематическое применение, то есть бытует только в публицистике и связан лишь с тремя смысловыми циклами.

«Status in statu. Сорок веков бытия» — так назван один из параграфов обширной статьи мартовского выпуска «Дневника писателя за 1877 год» о еврейском вопросе³. «Такой живучий народ, такой необыкновенно сильный и энергический народ, такой беспримерный в мире народ не мог существовать без status in statu, который он сохранял всегда и везде, во время самых страшных, тысячелетних рассеяний и гонений своих. Говоря про status in statu, я вовсе не обвинение какое-нибудь хочу возвести. Но в чем, однако, заключается этот

1 *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 томах. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 24. 1982. С. 75. Далее все цитаты из этого издания приводятся в тексте, в скобках указаны том и страницы.

2 См.: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М.: Гослитиздат, 1955. С. 136–137.

3 См. об этом, напр., нашу статью: *Сараскина Л.И.* Пространство почвы и территория крови // *Сараскина Л.И.* Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 107–132.

status in statu, в чем вековечно-неизменная идея его и в чем суть этой идеи?» (25; 81) — задается вопросом Достоевский. Пытаясь изобразить хотя бы наружно признаки этого status in statu, он — в числе прочего — называет отчужденность, неслиянность, веру в то, что в мире существует лишь одна народная личность — еврей, а «другие хоть есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало» (Там же). Иными словами, еврею следует верить, что ты как народ един у Бога; что рано или поздно всё покорится тебе, а потому надо строго всех гнушаться, ни с кем не общаться и верить, что сбудется всё, что обещано... «Вот суть идеи этого status in statu, а затем, конечно, есть внутренние, а может быть, и таинственные законы, ограждающие эту идею» (25; 82).

Несомненно, однако, что формула «status in statu», задействованная Достоевским в публицистической⁴ (и, быть может, не бесспорной) трактовке еврейского вопроса, не содержит никакого специфически юдофобского, антисемитского оттенка, потому что другой типичный случай ее применения связан с описанием такого явления, как *семинаризм* и такого социального типа, как *семинарист*, ученик духовной семинарии. «Семинаристы, как status in statu, — вне народа» (24; 80), — полагал *публицист* Достоевский. Так, для персонажа романа «Братья Карамазовы», семинариста-карьериста Михаила Ракитина *художник* Достоевский не нашел (впрочем, и не искал) ни одного сочувственного слова, ни единого смягчающего обстоятельства, ничего, что давало бы возможность говорить о нем пусть как о неприятной, но все же сложной и противоречивой личности, имевшей реальных прототипов⁵.

Третья тема из цикла «status in statu» связана с понятиями иезуитства и иезуитов и тем, как они предстают в творчестве Достоевского: феномен иезуитов, согласно «Дневнику писателя», тоже из разряда «status in statu».

1

Начну с «Воспоминаний А.Г. Достоевской».

«Скажу несколько слов о моих родителях. Род отца был из Малороссии, и прапрадед носил фамилию Снитко. Прадед, продав имение в Полтавской губернии, переселился в Петербург, уже именуясь Сниткиным. Мой отец воспитывался в петербургской школе иезуитов, но *иезуитом не сделался, а всю жизнь оставался добрым и простодушным человеком*. Служил мой отец в одном из магистратов или департаментов»⁶.

Что значит *сделаться* иезуитом на языке семьи Достоевских? Что значило им *быть*?

Ф.М. Достоевскому не довелось познакомиться со своим будущим тестем,

4 В двух письмах Ф.М. Достоевского — А.Г. Ковнеру от 14 февраля 1877 года и В.Ф. Пуцыковича от 29 августа 1878 года — выражение «status in statu» также употребляется; в обоих случаях при обсуждении еврейского вопроса.

5 См. об этом: *Сараскина Л.И. STATUS IN STATU: Ракитин и другие // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 106–121; То же: Достоевский и современность. Материалы XXVII Международных Старорусских чтений 2012 года. Великий Новгород, Новгородский музей-заповедник, 2013. С. 156–171.*

6 *Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. С. 42. Курсив мой. — Л.С.*

Григорием Ивановичем Сниткиным (род. в 1799 году) — тот умер 28 апреля 1866-го, за пять с лишним месяцев до знакомства своей дочери с писателем (4 октября 1866). Анна Григорьевна самыми добрыми словами вспоминает о родителе: «Отец мой был чрезвычайно веселого характера, балагур, шутник, что называется, “душа общества”. <...> Папа весело и приятно провел свою молодость, но под влиянием строгой матери жил сдержанно, и потому в 42 года (то есть к моменту женитьбы. — Л.С.) представлял из себя человека здорового, крепкого, румяного, с прекрасными голубыми глазами и цельными зубами, но с порядочно поредевшей шевелюрой. До кончины своей матери папа не предполагал обзаводиться семьей, а потому бывал в обществе в качестве приятного собеседника, но отнюдь не жениха»⁷.

Надо заметить, что малороссийский род Снитко — Сниткиных всегда принадлежал к православию и исконной веры представители рода никогда не меняли. Зато мать Анны Григорьевны, Анна Николаевна Сниткина, урожденная Мильтопеус, была лютеранкой родом из Швеции, и когда перед ней встал вопрос о замужестве, возникло серьезное затруднение. «По понятиям папиной православной семьи, жены должны быть одной веры с мужьями. Дошло до того, что папа решился пойти против семьи и жениться, даже если б пришлось разойтись с некоторыми из ее членов»⁸, — писала Анна Григорьевна. Но делать этого Григорию Ивановичу не пришлось — его невеста перешла в православие, стала ревностно исполнять обряды, говела, причащалась, и хотя славянские молитвы давались ей трудно, она с усердием молилась по шведскому молитвеннику. Будущая теща Достоевского никогда не раскаивалась, что переменила религию, — иначе, признавалась новообращенная, она чувствовала бы себя далеко от мужа и детей.

Факт тот, что ни католичество, ни тем более иезуитство никакой стороной не коснулись семейства Сниткиных — Мильтопеус. Родители Анны вообще благополучно избежали искушений религиозного фанатизма. Стоит привести еще один эпизод из девичества Анны Григорьевны — когда в 1859 году отец и мать Анны узнали, что их тринадцатилетняя дочь, которая гостит у троюродной тетки во Пскове, до того увлеклась монастырскими службами и монастырским укладом, что решила стать монахиней, они немедленно отозвали ее из Пскова под предлогом болезни папеньки. Но оказалось, к счастью, что Григорий Иванович вовсе и не думал хворать. «Родители мои просто испугались того, что я увлекусь моим религиозным настроением и останусь в монастыре, а впоследствии, войдя в лета, буду жалеть и раскаиваться в своем необдуманном поступке»⁹. Отец и мать Нюточки деликатно объяснили ей, что она слишком молода и себя не знает, что ей надо сначала закончить гимназию и пожить дома, в своей семье, как живут обычные девушки. Родители уверяли дочь, что если, повзрослев, она все еще будет чувствовать потребность уйти в монастырь,

7 Там же. С. 42, 44.

8 Там же. С. 44.

9 Там же. С. 59.

препятствовать ей в ее решении они не станут. Вспоминая свою юность, Анна Григорьевна откровенно признавалась, что, вернувшись осенью в гимназию, она с головой ушла в действительную жизнь, постепенно охладела к своей религиозной идее и навсегда осталась в миру. «Об этом я ни мало не сожалею, так как мир дал мне бесконечно много радости и счастья»¹⁰.

Очевидно: Ф.М. Достоевский женился на девушке из добропорядочной, трезвомыслящей семьи разночинцев, лишенной религиозной экзальтации и сложных богословских переживаний, ценящей простые радости семейной жизни.

Введение в тему требует осветить еще один вопрос — чем занимался юный Григорий Сниткин в петербургской школе иезуитов и почему она не оказала на него того влияния, на которое обычно рассчитывали подобные учебные заведения. Позволю себе краткое отступление.

Основатель ордена, созданного для борьбы с Реформацией, Игнатий Лойола одной из главных своих миссионерских задач называл педагогическую деятельность. В XVIII веке в руках ордена находилось подавляющее большинство средних и высших учебных заведений Западной Европы. Однако в 1773 году за многочисленные преступления против церкви «Общество Иисуса» («Societas Jezy»), которое в течение двух веков служило опорой папства и главной движущей силой контрреформации, было упразднено согласно булле папы Климента XIV «Dominus ac Redemptor Noster» («Господь и Искупитель Наш»). Орден запрещался во всем католическом мире и мог продолжать свою деятельность только в православной России.

В 1779 году, несмотря на протесты Рима, указом Екатерины II было открыто иезуитское учебное заведение в Полоцке; в 1780-м его посетила сама императрица. Привлеченная иезуитской системой образования, Екатерина II, полагала, вероятно, что внедрение педагогической практики иезуитов послужит укреплению абсолютизма в России.

В период правления Павла I, еще большего сторонника «Общества Иисуса», чем его мать, перед иезуитами открылись новые возможности. В 1800 году Павел I доверил ордену просветительскую деятельность в западных провинциях империи, поставив их во главе виленской Академии. Любимцем монарха стал венский иезуит о. Габриэль Грубер (с 1802 года генерал ордена иезуитов). Ему удалось убедить Павла в необходимости объединить усилия обеих церквей для успешной борьбы с атеизмом и революционным влиянием. Весьма примечательно послание Павла I папе римскому Пию VII, где была изложена просьба о формальном утверждении ордена иезуитов в России: «Святейший Отче! Преподобный отец Грубер, настоятель монахов Общества Иисуса, обосновавшихся в наших государствах, передал мне пожелание членов этого Общества быть признанными Вашим Святейшеством. Я не счел возможным отказаться просить Ваше Святейшество о формальном утверждении этого Ордена, к которому я испытываю особый интерес. Надеюсь,

¹⁰ Там же.

что мои хлопоты не останутся без результата.

С глубоким уважением остаюсь, Ваше Святейшество, Вашим самым верным другом.

Гатчина, 11 августа 1800 г. Павел»¹¹.

Пий VII свое согласие на возрождение ордена в России дал, и некоторое время спустя иезуиты получили разрешение обосноваться в Санкт-Петербурге, где им передали церковь св. Екатерины — приход с десятью тысячами верующих. Они смогли открыть коллегиум для обучения русской молодежи из знатных семей.

2

Сразу оговорюсь: никаких подробностей о школе иезуитов, которую окончил Григорий Иванович, Достоевский знать не мог. Вряд ли могла что-либо рассказывать о ней его жена (теща писателя) и его дочь Анна. Для Григория Ивановича, женившегося в возрасте 42-х лет, годы учебы у иезуитов были делами давно минувших дней. Никаких подробностей не приводила в своих «Воспоминаниях» и Анна, хотя помнила множество деталей из молодости своих родителей, рассказанных ей ими.

Можно, однако, утверждать, что Григорий Иванович, одноклассник А.С. Пушкина, не учился у известного педагога-иезуита аббата Доминика Шарля Николя, который появился в Петербурге в 1793 году в качестве воспитателя молодого французского графа Шуазель-Гуфье, а уже через год открыл на Фонтанке учебный пансион, где получали образование дети из самых известных аристократических семей Петербурга. В пансионе аббата Николя учились Волконские, Орловы, Нарышкины, Голицыны, Гагарины. Список «свернутых» был достаточно длинен и украшен другими блестящими фамилиями: Одоевские, Прозоровские, Ростопчины, Толстые, Трубецкие, Протасовы, Васильчиковы, Шуваловы, Головины, Петровские, Свечиные, Строгановы, Новосильцевы, Кочубеи, Барятинские, Демидовы, Юшковы, Кутузовы, Брусиловы.

Вряд ли также Григорий Иванович учился и в благородном иезуитском пансионе для воспитания знатного юношества, открывшемся в Петербурге, на Екатерининском канале Г. Грубером, тем самым отцом Грубером, который своим умом, манерами и тонким обхождением сумел войти в доверие к императрице Марии Федоровне, а затем и к императору — факт тот, что Павел I дал разрешение о. Груберу являться в монарший кабинет в любое время и без доклада. Именно отцу Груберу в конфиденциальных беседах император якобы неоднократно признавался, что в душе он католик.

Пансион, или коллегиум, стал одним из самых привилегированных учебных заведений Петербурга. Интересен тот факт, что родители А.С. Пушкина нарочно ездили в столицу, намереваясь определить туда сына, и только открытие Царскосельского лицея изменило их планы. Пушкин писал об

¹¹ Цит по: *Проскурин А.П.* Орден в России: история ненависти, любви и верности. Ч. III. Россия — родина иезуитов? // URL: http://www.eifgaz.ru/orden_3.htm (дата обращения 21.08.13).

этом в автобиографической «Программе записок»: «Охота к чтению. Меня везут в П. Б. Езуиты. Тургенев. Лицей»¹².

Князь П.А. Вяземский, в 1805–1806 годах учившийся в петербургском иезуитском пансионе (в «теплом гнезде», как он его называл), с сердечной благодарностью вспоминал о своих учителях и воспитателях, о «счастливых годах», проведенных «в мирной атмосфере иезуитского дома». «Эти иезуиты, начиная от ректора, патера Чижа, были — по крайней мере, в мое, или наше время — просвещенные, внимательные и добросовестные наставники. Уровень преподавания их был возвышен. Желавшие учиться хорошо и основательно имели все способы к тому и хорошо обучились <...>. Обращение наставников с воспитанниками было не излишне строгое: более родительское, семейное. Допускалась некоторая свобода мнений и речи. <...> В числе воспитанников был я далеко не из лучших; но, не знаю почему, был одним из числа любимейших духовным начальством. Со всем тем могу сказать утвердительно и добросовестно, что никогда не слышал я ни слова, никогда не замечал малейшего намека, которые могли бы указать, что меня или других желали переманить на свою сторону. Никогда не было попытки внушить, что Римская Церковь выше и душеспасительней Православной. А ум мой и тогда был уже настолько догадлив, что он понял бы самые извилистые и хитрые подступы. Никакого различия не было в обращении с воспитанниками обоих исповеданий. Паписты не пользовались пред нами никакими прерогативами и льготами. В костел нас не водили. По воскресным и праздничным дням бывали мы в Русской церкви. Великим постом мы говели, как следует. Правда, в течение года держались мы не русских постных дней, то есть не среды и пятницы, а римских. По пятницам и субботам угощали нас католическим пощением: говядины не было за общею трапезою. Но эта желудочная пропаганда, кажется, не могла иметь большого влияния на умы и религиозные чувства наши. Так было в мое время»¹³.

Скорее всего Григорий Иванович Сниткин был помещен в недорогое училище для детей среднего сословия, которое было открыто в апреле 1801 года «собственным иждивением» Римско-католической церкви св. Екатерины в Петербурге, куда начали принимать детей разных исповеданий, большею частью из купеческих семей. О нем вспоминал французский путешественник Этьен Дюмон в своем дневнике от 24 июня 1803 года: «В Петербурге от 8 до 10 тысяч католиков, иезуиты только что основали даровую школу, где уже 300 воспитанников, большею частью дети русских купцов. Они содержат довольно дешевый пансион и желают, чтоб воспитанники не выходили из него»¹⁴. Время

12 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В шести томах. М.: Гослитиздат, 1936. Изд. 4. Т. 6. Критика, история. Автобиография. С. 402.

13 Князь Вяземский П.А. Автобиографическое введение. М.: Синодальная типография, 1916. С. 22–23. Уместно заметить, что в издании — Вяземский П.А. Сочинения: В 2-х томах. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. Сост., подг. текста и коммент. М.И. Гиллельсона — подверглись сокращению в том числе и те фрагменты, которые связаны с благоприятными высказываниями автора об иезуитском пансионе. В электронном ресурсе (http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0480.shtml) пропуски восстановлены по первой публикации.

14 См. об этом: Кузнецова О. Педагогическая деятельность иезуитов в Петербурге // URL:

учебы Григория Сниткина уместилось примерно между 1807-м и 1813-м годами, как раз незадолго до закрытия всех иезуитских учебных заведений в столице в 1815 году.

В первый период правления Александра I деятельность «Общества Иисуса» в области образования и его миссионерская активность продолжали процветать. В 1803–1817 году в России находился посланник Сардинского королевства иезуит и миссионер граф Жозеф де Местр, который имел влияние на императора Александра I. В начале 1816 года он писал архиепископу Рагузскому: «Обращение умов к нашей вере чрезвычайно быстро, и переход в католицизм замечателен, как по числу лиц, так и по положению, занимаемому ими в обществе. <...> Что за отрадное зрелище! Какое множество обращений и какая быстрота в них, и это в самом высшем здешнем обществе!»¹⁵ Иезуитские миссии были учреждены в Астрахани, Одессе, Сибири. Учебная программа в иезуитских школах Российской империи была похожа на программы других школ ордена, существовавших до его роспуска. Особый упор делался на латынь и классические предметы, однако достаточное внимание уделялось также естественным наукам, русскому языку и географии России.

Существуют разные мнения о том, что происходило в стенах этих учебных заведений. Одни историки утверждают, что учеников насильно католицизировали, и это вызывало возмущение у родных и у русского духовенства. Другие (как, например, князь Вяземский) — что этого вовсе не происходило. Священник Михаил Морошкин, исследовавший деятельность иезуитского ордена в России и издавший в 1870 году книгу «Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени», будто наперекор князю П.А. Вяземскому, не утратившему — несмотря на опыт общения с иезуитами — своей веры, подчеркивал, что воспитанники иезуитского пансиона в Петербурге вынуждены были посещать богослужения в католической церкви, таким образом, дети православных родителей теряли здесь и веру своих отцов, и язык родины, и даже переставали быть русскими.

Вот как описываются нравы иезуитских учебных заведений в интернет-версии современного православного журнала «Нескучный сад» (то же и на сайте Санкт-Петербургской духовной академии): «В школах процветало ябедничество. Например, ученик, говоривший в школе на родном языке, а не на латыни, может избавиться от наказания, если назовет имена других учеников, делавших то же самое. У каждого ученика был специальный опекун, рассказывающий начальству о его проступках. Само преподавание в школах велось по причудливому сочетанию средневековых и гуманистических методов: изучали труды Фомы Аквинского, но при этом была система жесткой конкуренции между учениками <...>. Мораль иезуитов также была сословной — ради достижения целей ордена, они могли давать ложные клятвы,

<http://www.religiityumeni.ru/showthread.php?t=291> (дата обращения 21.08.13).

¹⁵ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование: В 2-х томах. СПб.: В.Ф. Демаков, 1876–1877. Т. 2. 1877. С. 208.

пользоваться тайными доносами и обманывать тех, кто не принадлежал к «Обществу Иисуса»¹⁶.

Уместно, однако, привести еще один фрагмент из мемуаров князя Вяземского. «Гораздо позднее встречался я на Востоке с некоторыми личностями, принадлежавшими ордену. Всегда удивлялся я их деятельности и самоотвержению. Разбросанные поодиночке, в местах пустынных, в Арабских бедных селениях, преподаватели Евангелия и грамотности, бодро и плодотворно носили они свой крест и совершали трудный подвиг. Римская церковь может быть властолюбива; но этих отдельных миссионеров и апостолов христианства обвинять в властолюбии нельзя. Они самоотверженные и бескорыстные послушники. Забавно же обвинять их в том, что преподают они Римское законоучение, а не православное. Между тем, найдутся люди, которые ставят им и это в преступление и за это ненавидят их. Не забывают ли они в пылу православия своего, что евангелие писано для всех народов, для всех христиан, а не в пользу того или другого вероисповедания и прихода»¹⁷.

Перейдя из иезуитского пансиона в пансион при педагогическом институте в Петербурге и сравнивая их, П.А. Вяземский вспоминал: «Учебный и умственный уровень заведения был вообще ниже иезуитского как по преподавателям, так и в отношении к ученикам»¹⁸.

Здесь стоит еще раз напомнить, что обучение в петербургской школе иезуитов «для небогатых» не повлияло на Г.И. Сниткина в дурную сторону.

3

Так или иначе, репутация иезуитов, как она сложилась в России (особенно после их изгнания из страны), почти всегда была чрезвычайно дурна: снисходительные духовники, от которых без труда можно получить отпущение любого греха, коварные казуисты, надменный циники, лицемеры и хитрецы. Ордену приписывались макиавеллиевские формулы: «Цель оправдывает средства», «Для достижения цели все средства хороши», «Мы исправляем порочность средств чистотою цели». «“Так как дозволена цель, дозволяются и средства”», — писал один из главных моралистов ордена Г. Бузенбаум (1600–1688). Поэтому считались законными и даже рекомендуемыми ложь, насилие, обман, интриги, клевета, подлог, клятвопреступление, провокации, заговоры и даже убийство “для вящей славы божьей” (“ad majorem Dei gloriam”)¹⁹, — утверждает Философская энциклопедия советского времени. Иезуитская казуистика и нужна была, кажется, для обоснования права на нарушение общепринятых нравственных норм. Иезуиты называли свою систему нравственного богословия *theologia accomodativa*, т. е. богословия, приуроченного к воззрениям и нравам людей известного времени и места.

16 Зайцев А. Кто такие иезуиты? // URL: <http://www.nsad.ru/articles/kto-takie-iezuiti>; <http://www.spbda.ru/lib/a-2554.html> (дата обращения 21.08.13)

17 Князь Вяземский П.А. Автобиографическое введение. С. 24.

18 Там же.

19 Философская энциклопедия. В 5-х томах. М.: Советская энциклопедия. Под ред. Ф.В. Константинова. 1960–1970. Т. 2. 1962. С. 238.

Само слово «иезуит» превратилось в России в ругательство²⁰, и это значение еще более укрепилось после скандального изгнания ордена из российских столиц в 1815 году и в целом из империи — в 1820 году.

Указ Сената о высылке иезуитов из России предписывал местным властям: «иезуитов, как забывших священный долг не только благодарности, но и подданнической присяги и потому недостойных пользоваться покровительством российских законов, выслать под присмотром полиции за пределы государства и впредь ни под каким видом и наименованием не впускать в Россию»²¹. Упразднились иезуитские коллегии и академии, конфисковывалось их имущество, библиотеки, земельные владения. Иезуитам было предписано либо выйти из ордена, либо покинуть страну. После 25 марта 1820 года, когда указы о роспуске ордена в пределах Российской империи были оглашены в Витебске, Полоцке, Могилеве, Орше и других городах, около 200 иезуитов были высланы из России. Все, чего добился орден в период правления Екатерины II и Павла I, было во мгновение ока разрушено Александром I. Двери в Россию навсегда закрылись для членов «Общества Иисуса».

Главная причина ни для кого не составляла тайны: дерзкий прозелитизм ордена, обращение в католичество представителей высшего петербургского света: Александры и Елизаветы Голицыных, княгини Головиной и знаменитой г-жи Свечиной²². Все они были увлечены французской религиозной культурой. Последней каплей в чаше терпения российских властей стал переход в католичество (по наущению иезуита Жана Людовика Розавена, искусного полемиста) ученика иезуитского коллегиума несовершеннолетнего племянника обер-прокурора Святейшего Синода А.Н. Голицына. Российское правительство всерьез опасалось влияния иезуитов, особенно после восстановления ордена в 1814 году папой Пием VII.

4

Тема иезуитов и иезуитства возникает в творчестве Достоевского резко и бурно еще в 1840-е годы. В повести «Двойник» (1846) угнетенный личными и служебными неудачами Яков Петрович Голядкин пытается действовать по

20 См.: «Езуит — монах езуитского ордена, основанного Лойолою, употребляется в знач. хитрого, лукавого, проискивого человека. Езуитский поступок, в котором истинная цель лукаво скрыта и целому придан подложный вид» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: Олма-пресс, 2002. Т. 1. С. 469). Слово «езуит» содержится в 1-м томе (впервые вышел в 1861 году) Словаря В.И. Даля, современника Достоевского. В Толковых словарях XX столетия слово «иезуит» трактуется в значении: «хитрый, двуличный человек, лицемер»; слово «иезуитство» — как «лицемерие, двуличие, беспринципность в выборе средств для достижения своих целей». А цель ордена — как «пропаганда и утверждение клерикализма». (См., напр.: Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д.И. Ушакова: В 4 томах. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1. 1935. Ст. 1135).

21 Цит. по: *Шейнман М.М.* Папство. М.: АН СССР, 1959. С. 152.

22 Софья Петровна Свечина (1782–1857), дочь статс-секретаря императрицы Екатерины II, П.А. Соймонова, в 17 лет вышла замуж, по настоянию отца, за сорокадвухлетнего генерала Н.С. Свечина. На образ мыслей Свечиной имело большое влияние знакомство с католическим философом и дипломатом графом Жозефом де Местром. В конце 1815 года она отреклась от родной веры и в своей гостиной в первый раз исповедовалась по римскому обряду иезуиту Жану Людовику Розавену. После указа о высылке иезуитов из Петербурга (20 декабря 1815) де Местр выехал за границу; за ним последовала Свечина и в зиму 1816–1817 гг. была уже видной фигурой в великосветских салонах Парижа.

рецепту иезуитов. «Потом пришло ему на память, что иезуиты поставили даже правилом своим считать все средства годящимися, лишь бы цель могла быть достигнута. Обнадежив себя немного подобным историческим пунктом, господин Голядкин сказал сам себе, что, дескать, что иезуиты? иезуиты все до одного были величайшие дураки, что он сам их всех заткнет за пояс, что вот только бы хоть на минуту опустела буфетная (та комната, которой дверь выходила прямо в сени, на черную лестницу, и где господин Голядкин находился теперь), так он, несмотря на всех иезуитов, возьмет — да прямо и пройдет, сначала из буфетной в чайную, потом в ту комнату, где теперь в карты играют, а там прямо в залу, где теперь польку танцуют. И пройдет, непременно пройдет, ни на что не смотря пройдет, проскользнет — да и только, и никто не заметит; а там уж он сам знает, что ему делать» (1; 132).

Его миссия, однако же, ему не удалась — сперва Голякин оробел, решив «быть втихомолочку»; в решающий момент «ретировался за ширмы» и «струсил, как курица»; потом проник таки, увлеченный роком, на чужой бал, но был немилосердно выдворен из парадной залы на черную лестницу. Согласия на изгнание никто у него не спросил, заткнуть за пояс иезуитов Голядкину не удалось: цель, средства и обстоятельства не сошлись характерами.

Уже через год Достоевский сам оказался лицом к лицу с иезуитами — вернее, со статьей «Иезуиты», которую взялся править в силу острой денежной нужды для 5-го тома 12-томного «Справочного энциклопедического словаря», выходявшего под редакцией Адальберта-Войтехы Старчевского²³. «За той формой, которая Вам посылается, — писал Достоевский редактору Словаря, — просидел я не отрываясь пять часов. Статью о иезуитах следовало бы всю переписать. Трудность и мешкотность в том, что приходится *чинить* фразу, а не переделывать вовсе; да тут же нужно соблюдать выгоду типографии и не вымарать всего. Поправишь, да еще не щегольски поправишь, а просидишь четверть часа над двумя строчками» (28/1; 141).

Судя по окончанию письма — «Остальные 2 формы принесу сам, сию не отрываясь, у меня всего оставшихся 10 форм. За 3-мя формами приходится сидеть в день часов 12» (Там же), — Достоевский работал и над другими статьями для 12-томного Словаря.

Пятый том Словаря вышел в типографии К.К. Крайя в мае 1847 года (12-й том — в 1855 году). Ни имени автора-составителя статьи «Иезуиты», ни списка использованной литературы, ни ссылок на других авторов эта статья (как, впрочем, и все остальные статьи Словаря) не содержала и отражала официальную, общепринятую на тот момент (благонамеренную) точку зрения.

Достоевскому пришлось глубоко погрузиться в материал, изложенный в шести с половиной убористых столбцах. Подробно описывались история ордена, его устройство, главные фигуранты, их чины и звания, их обеты, а также цели и задачи, среди которых особо выделялись повсеместное обращение

²³ Справочный энциклопедический словарь: В 12 томах. Под ред. А. Старчевского. СПб., типография К.К. Крайя, 1847–1855. Т. 5. 1847. С. 261–264.

еретиков и подавление протестантизма. Рассказывалось о миссионерской деятельности ордена в Европе, Америке, Японии, Индии, России. И, конечно, освещалась моральная изнанка ордена: непозволительные средства, употребляемые к достижению целей, криминальное влияние «Общества Иисуса» на политику (в качестве примеров приводились: убийство Генриха III и покушение на Генриха IV, многократные покушения на жизнь королевы Елизаветы в Англии и на жизнь римского папы Климента XIV, таи умершего от яда через год после опубликования буллы «Dominus ac Redemptor Noster»). Иезуиты «действовали очень сильно на европейские дела посредством усилившихся тогда тайных обществ и орденов»²⁴, — говорилось в статье.

Тон статьи, однако, был вполне сдержанным, стиль — безоценочным; но история ордена, его деятельность, его принципы свидетельствовали о себе сами. У литературного правщика, которому пришлось «чинить фразы» нескладно, как он утверждал, составленного текста, все же не могло не сложиться впечатления о содержании материала. Следы этого впечатления встречаются на протяжении всего творческого пути Достоевского.

Племянник Егора Ильича Ростанева Сергей, рассказчик повести «Село Степанчиково и его обитатели», задает вопрос бедняку-горемыке Евграфу Ларионычу Ежевикину, который терпит жестокие нападки тирана и деспота Фомы Фомича Опискина.

«Позвольте спросить вас, — сказал я, по обычаю моему покраснев и заторопившись, — слыхали вы про иезуитов?»

— Нет, отец родной, не слыхал; так разве что-нибудь... да где нам! А что-с?

— Так... я было, кстати, хотел рассказать... Впрочем, напомните мне при случае. А теперь, будьте уверены, что я вас понимаю и ...умею ценить...» (3; 53).

Робкий намек на иезуитские козни Фомы Фомича Опискина сменится в романе «Униженные и оскорбленные» громкой заявкой на полновесный художественный образ. Речь идет о старшем князе Валковском: «Пусть тот, разбойник-то, Петр-то Александрович, о богатстве хлопочет; всем известно: жестокосердая, жадная душа. В иезуиты, говорят, тайно в Варшаве записался? Правда ли это?»

— Глупый слух, — отвечал я (Иван Петрович, рассказчик. — Л.С.) невольно заинтересованный устойчивостью этого слуха» (3; 218).

Сын «тайного иезуита», молодой князь Алексей Петрович Валковский, так описывает приемы и методы своего родителя: «Как только отец приехал, пошли мои муки. Я приготовился ему отвечать твердо, ясно, серьезно, да всё как-то не удавалось. А он даже и не спрашивал; хитрец! Напротив, показывал такой вид, как будто уже всё дело решено и между нами уже не может быть никакого спора и недоумения. Слышишь, *не может быть* даже; такая самонадеянность! Со мной же стал такой ласковый, такой милый. Я просто удивлялся. Как он умен, Иван Петрович, если б вы знали! Он всё читал,

24 Там же. Т. 5 С. 263.

всё знает; вы на него только один раз посмотрите, а уж он все ваши мысли, как свои, знает. Вот за это-то, верно, и прозвали его иезуитом» (3; 237).

Даже Дуня Раскольников, в своей обреченной готовности выйти замуж за нелюбимого Лужина ради благополучия родных, получает от брата жестокий упрек: «Дело ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти, себя не продаст, а для другого вот и продает! Для милого, для обожаемого человека продаст! Вот в чем вся наша штука-то и состоит: за брата, за мать продаст! Всё продаст! О, тут мы, при случае, и нравственное чувство наше придавим; свободу, спокойствие, даже совесть, всё, всё на толкучий рынок снесем. Пропaday жизнь! Только бы эти возлюбленные существа наши были счастливы. *Мало того, свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся и на время, пожалуй, и себя самих успокоим, убедим себя, что так надо, действительно надо для доброй цели.* Таковы-то мы и есть, и всё ясно как день» (6; 37–38. Курсив мой. — Л.И.).

Соблазн чужой веры болезненно волновал Достоевского. Этому искушению должен был поддаться герой романа «Атеизм», который «шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога» (28/2: 329). Именно это, вспомним, как раз и случается с благодетелем Льва Николаевича Мышкина Николаем Андреевичем Павлицевым. Родовой человек, с состоянием, камергер, вдруг оставляет службу, бросает свое имение, переходит в католичество и становится иезуитом, «да еще чуть не открыто, с восторгом каким-то» (8; 449). Князя это известие приводит в ужас, он расстроен и потрясен, и оказывается, что во всем виноват пройдоха-иезуит аббат Гуро, который, после смерти Павлицева, даже претензии по завещанию хотел выставить, ибо иезуиты — мастера таких дел.

В ответ на шокирующее известие и звучит страстная проповедь князя Мышкина — о сущности католической веры, которая, в его глазах, хуже даже атеизма, ибо проповедует Христа оболганного и поруганного; о социализме, который есть порождение католицизма и католической сущности, и о том, что русские атеисты и русские иезуиты происходят от боли духовной, от тоски по высшему делу, по родине, в которую перестали верить. Русская страстность такова, что если кто «в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет, да еще из самых подземных; коль атеистом станет, то непременно начнет требовать искоренения веры в Бога насильем, то есть, стало быть, и мечом! Отчего это, отчего разом такое исступление? Неужто не знаете? Оттого, что он отечество нашел, которое здесь просмотрел, и обрадовался; берег, землю нашел и бросился ее целовать!» (8; 452).

Гости Епанчиных, почтенные старички-сановники и вельможи, наблюдая, как качнуло князя Мышкина от умиленного восторга («захлебывался от прекрасного сердца», 8; 448) к обморочному ужасу, пытаются успокоить

экзальтированного молодого человека, ссылаясь на доверчивость и слабоволие русских людей, оказавшихся в католической среде.

«Наши как-то не выдерживают, если раз поддадутся этим... пронырам... особенно за границей.

— Это всё от нашей, я думаю... усталости, — авторитетно промямлил старичок; — ну, и манера у них проповедовать... изящная, своя... и напугать умеют. Меня тоже в тридцать втором году, в Вене, напугали, уверяю вас; только я не поддался и убежал от них...» (8: 450).

Мышкин потрясен и готов сразиться с «пронырами» и их тонкими проповедями. «И не думайте, чтоб это было всё так невинно и бесстрашно для нас; о, нам нужен отпор, и скорей, скорей! Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали! Не рабски попадаясь на крючок иезуитам, а нашу русскую цивилизацию им неся, мы должны теперь стать пред ними, и пусть не говорят у нас, что проповедь их изящна, как сейчас сказал кто-то...» (8: 451–452).

В мире Достоевского «иезуит» — безоговорочно отрицательная величина; писатель пользуется этим словом как ругательством всякий раз, когда нужно обозвать кого-то или коварным интриганом («этот иезуит предводительша» (10: 383) в «Бесах», или циником-хитрецом (Версилов, 13; 146) в «Подростке». «Казуистом» и «иезуитом смердящим» называет Смердякова Федор Павлович Карамазов (14: 119) и не только его, но даже и своих слуг («А убирайтесь вы, иезуиты, вон...», 14; 121). Степан Трофимович Верховенский согласен слыть скорее древним язычником, «как великий Гете или как древний грек» (10: 33). Но «как бы ни хлопотали здесь наши доносчики, а иезуитом я быть не желаю» (Там же), — взволнованно восклицает он.

5

И все же до поры до времени тема находится в ведении персонажей: это они спорят, волнуются, неистовствуют при одном лишь упоминании о ненавистных «пронырах». И только с середины 1870-х в разговор о больном вопросе вступает автор, на страницах «Дневника писателя». Голос его звучит так страстно и решительно, так взволнованно и убежденно, что намного превосходит пафос и горячность князя Мышкина. Кажется, будто на монологах Льва Николаевича Достоевский лишь прошупывает тему, примеривается к ней, а потом, наконец, обретает свой собственный голос. Мышкин захлебывался, сверкал огненным взглядом, терял самообладание, едва не лишался сознания и разбивал таки в конце своих полуобморочных речей китайскую вазу. Тем, кто слышал монолог князя, его волнение казалось страшно преувеличенным: «Всё это известно и даже — не нужно и... принадлежит богословию...» (8: 451), — говорили ему. Мышкин не соглашался, доказывал, что это гораздо ближе, чем кажется, и касается всех, а не одних только богословов.

Автор «Дневника писателя» ведет себя уже как господин разговора, не заслоняясь персонажами и используя самую свою убедительную аргументацию. Полемика ведется по двум линиям — иезуиты в современной писателю Европе

и русские, соблазненные в иезуитство. Он с пристальным вниманием следит за событиями во Франции за намерениями папы Пия IX (1792–1878), занимавшему ватиканский престол с 1846 года и принявшему догмат о папской безошибочности в вопросах веры и морали при условии «экс-катедра» (1870). «Ну что в том, что папа въедет в Париж и римское католичество воцарится вновь с новым неслыханным блеском! Папе ли, торжествующему и “непогрешимому”, а не “пешему и босому”, прогнать злого духа, иезуитам ли его, легкомысленным ли этим клерикалам, с ихним *status in statu*, натертым, бесстыдным проходам? Нет, злой дух сильнее и *чище* их! Не с этой армией графу Шамборскому²⁵ можно сказать свое *новое слово*» (21; 203).

В «Дневнике писателя за 1877 год» он даст развернутую характеристику *этой* армии. «Всякие другие революционеры, даже из самых ярких или красных, производя переворот, всё же сообразуются, хоть отчасти, с чем-то общим, прежде данным и даже законным. Революционеры же иезуиты не могут действовать законно, а именно *необычайно*. Эта черная армия стоит вне человечества, вне гражданства, вне цивилизации и исходит вся из одной себя. Это *status in statu*, эта армия папы, ей надо лишь торжества *одной своей* идеи, — а затем пусть гибнет всё, что на пути ей мешает, пусть гибнут и вянут все остальные силы, пусть умирает всё не согласное с ними — цивилизация, общество, наука!» (25; 162).

Публициста Достоевского крайне заботит сущность французского социализма, и он посвящает ему пламенные станицы «Дневника». «Эта Франция, даже и потерявшая теперь, *почти вся*, всякую религию (иезуиты и атеисты тут всё равно, всё одно), закрывавшая не раз свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировке Собранья самого Бога, эта Франция, развившая из идей 89 года свой особенный французский социализм, то есть успокоение и устройство человеческого общества уже без Христа и вне Христа, как хотело да не сумело устроить его во Христе католичество, — эта самая Франция и в революционерах Конвента, и в атеистах своих, и в социалистах своих, и в теперешних коммунарах своих — всё еще в высшей степени есть и продолжает быть нацией католической вполне и всецело, вся зараженная католическим духом и буквой его, провозглашающая устами самых отъявленных атеистов своих: *Liberté, Égalité, Fraternité*, — *ou la mort*, то есть точь-в-точь как бы провозгласил это сам папа, если бы только принужден был провозгласить и формулировать *liberté, égalité, fraternité* католическую — его слогом, его духом, настоящим слогом и духом папы средних веков. Самый теперешний социализм французский, — по-видимому, горячий и роковой протест против идеи католической всех измученных и задущенных ею людей и

25 Достоевский осуждал действия претендента на французский престол, потенциального Генриха V, графа Генриха Шарля д'Артуа де Шамбора (1820–1883), убежденного сторонника правоверной легитимистской монархии, категорически не желавшего сменить государственный флаг Франции с трехцветного на белое знамя Бурбонов. В обоснование этого требования граф де Шамбор заявлял: «Генрих V не может отречься от белого флага Генриха IV. Он развевался над моей колыбелью, и я хочу, чтобы он осенял и мою могилу». Достоевский был солидарен с теми, кто стоит за сохранение трехцветного знамени, видя в нем символ республики, восстановление которой считал неизбежным (см. об этом: Ф.М. Достоевский. 21; 478–479).

наций, желающих во что бы то ни стало жить и продолжать жить уже без католичества и без богов его...» (25; 6–7).

Ему кажется, что зло идет из Рима и катит на Европу с чудовищной силой. «Дорога начинается и идет из Рима, из Ватикана, где умирающий старик (папа Пий IX. — *Л.С.*), глава толпы окружающих его иезуитов, наметил ее уже давно. Когда же загорелся Восточный вопрос, иезуиты поняли, что наступило самое удобное время. По намеченной дороге своей они ворвались во Францию, произвели в ней государственный переворот и поставили ее в такое положение, что близкая война ее с Германией почти неминуема, даже если б она и не желала начать ее. Всё это задолго раньше того понимал и провидел князь Бисмарк. По крайней мере, кажется, только он один, и еще, может быть, за несколько лет до настоящей минуты, разглядел и постиг своего важнейшего врага и всю ту огромную для всего мира важность той последней битвы за существование свое, которую несомненно задаст всему свету *умирающее навеки папское католичество* в самом ближайшем будущем» (26; 22).

Достоевский рискует пророчествовать — что станет с Францией, если она падет политически, а католичество потеряет свой меч и впервые за много веков обратится напрямую к народу, минуя королей и императоров. Оно скажет народу, полагает Достоевский, что всё, что проповедуют ему социалисты, проповедовал и Христос. «Оно исказит и продаст им Христа еще раз, как продавало прежде столько раз за земное владение, отстаивая права инквизиции, мучившей людей за свободу совести во имя любящего Христа, — *Христа, дорожащего лишь свободно пришедшим учеником, а не купленным или напуганным*. Оно продавало Христа, благословляя иезуитов и одобряя праведность “всякого средства для Христова дела”. Всё Христово же дело оно искони обратило лишь в заботу о земном владении своем и о будущем государственном обладании всем миром. Когда католическое человечество отвернулось от того чудовищного образа, в котором им представили наконец Христа, то после целого ряда веков протестов, реформаций и проч. явились наконец, с начала нынешнего столетия, попытки устроиться вне Бога и вне Христа. Не имея инстинкта пчелы или муравья, безошибочно и точно созидających улей и муравейник, люди захотели создать нечто вроде человеческого безошибочного муравейника. Они отвергли происшедшую от Бога и откровением возведенную человеку единственную формулу спасения его: “Возлюби ближнего как самого себя” — и заменили ее практическими выводами вроде: “Chacun pour soi et Dieu pour tous”²⁶ — или научными аксиомами вроде “борьбы за существование”» (26; 89–90. Курсив мой. — *Л.С.*).

Мучительные размышления о политическом иезуитстве вынуждают Достоевского прибегнуть к рискованнейшему сравнению: «*Та же ли вера у нас, как у римлян, тот ли Христос, Христос, которому понадобились иезуиты*» (24; 75. Курсив мой. — *Л.С.*). Этот вопрос, во многом риторический, даже болезненно риторический, будет поставлен, что называется ребром, в «Братьях

26 «Каждый за себя, а Бог за всех» (франц.).

Карамазовых». В письме редактору «Русского вестника» Н.А. Любимову от 11 июня 1879 года из Старой Руссы острие вопроса будет обращено уже к своим социалистам-иезуитам. «Нашему русскому, дурацкому (но страшному социализму, потому что в нем молодежь) — указание и, кажется, энергическое: хлебы, Вавилонская башня (то есть будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист! Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилистичка, — Вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны, не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия над человеческой совестью и низведения человечества до стадного скота, а мой социалист (Иван Карамазов) — человек искренний, который прямо признается, что согласен с взглядом “Великого Инквизитора” на человечество и что Христова вера (будто бы) вознесла человека гораздо выше, чем стоит он на самом деле. Вопрос ставится у стены: “Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители?”» (30/1; 68).

Размышляя о русских, захваченных римской идеей, Достоевский ищет мягкие оттенки, отличия, парадоксы. В записной книжке к «Дневнику писателя за 1876 год» он размышляет: «Петр Великий. Великие души не могут не иметь великих предчувствий. Петр не мог не быть западником, но вряд ли он был в таком тесном смысле, как петербургский западник или иезуит Гагарин. И если б увидел славянофилов, наверно бы их понял, взял бы Хомякова и Юрия Самарина и сказал бы, вот птенцы моего гнезда, хотя, по-видимому, они и против меня говорили. Этот аристократ был в высшей степени русский аристократ, то есть не гнушавшийся топора. Правда, он топор брал в двух случаях: и для кораблей и для стрельцов» (24; 208).

«Вывод из парадокса» — так называется один из разделов майского выпуска «Дневника писателя за 1876 год». «Русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться в то же время естественным врагом России. Того ли желали те, кто прорубал окно? Это ли имели в виду? Итак, получилось два типа цивилизованных русских: европеец Белинский, отрицавший в то же время Европу, оказался в высшей степени русским, несмотря на все провозглашенные им о России заблуждения, а коренной и древнейший русский князь Гагарин, став европейцем, нашел необходимым не только перейти в католичество, но уже прямо перескочить в иезуиты. Кто же, скажите теперь, из них больше друг России? Кто из них остался более русским? И не подтверждает ли этот второй пример (с крайней правой) мой первоначальный парадокс, состоящий в том, что русские европейские социалисты и коммунары — прежде всего не европейцы и кончат-таки тем, что станут опять коренными и славными русскими, когда рассеется недоумение и когда они выучатся России...» (23; 43).

«Недоумение», однако, рассеивалось далеко не всегда...

(1814–1882), камер-юнкер, ставший в тридцать лет иезуитским монахом Jean-Xavier Gagarine (1843), отказавшийся ради вступления в «Общество Иисуса» от блестящей дипломатической карьеры, богатого наследства и возможности вернуться в Россию, застрянет занозой в душе Достоевского. Младший собрат князя по ордену иезуитов о. Павел Пирлинг напишет о Гагарине: «Его не удержала горячая любовь к семье и отечеству, он отрекся от завидного положения, от родового имения в 3000 душ крестьян, от всех благ мира сего»²⁷.

Однако князь Гагарин стал католиком отнюдь не первым из знаменитых русских. Еще в конце XVIII столетия католиками стали Михаил Лунин и его брат Никита, сыновья богатого тамбовско-саратовского помещика: будущий декабрист еще в детстве был обращен в римскую веру воспитателем-французом, аббатом Вовилье. Неизвестно, знал ли об этом факте автор «Бесов», посвятивший М.С. Лунину вполне восторженный абзац²⁸. Во время правления Николая I русские католики пытались сообща воздействовать на российское общественное мнение с миссионерскими целями. В Париже возник кружок русских католиков, в Риме и Лондоне русские католики становились членами монашеских орденов.

О князе Гагарине было известно, насколько широко и глубоко он образован. В Мюнхене он сблизился с Ф. Шеллингом и Ф.И. Тютчевым, первым оценил его поэтическое дарование, привез стихи поэта в Петербург, сообщил о них Вяземскому, Жуковскому, Пушкину, бережно хранил сочинения Тютчева и передал их в конце концов И.С. Аксакову для напечатания в «Русском архиве».

Однако культурный горизонт Гагарина оказался «о двух концах». Своим религиозным выбором князь был обязан беседам с П.Я. Чаадаевым (его знаменитое философическое письмо Гагарин опубликует впоследствии в Париже), общением с просвещенными католиками и ...летаргизму русского православия, как аттестовали веру отцов русские филокатолики. (Уместно в этой связи вспомнить две дневниковые записи 1881 года почвенника Достоевского: «Церковь в параличе с Петра Великого (27; 49), «Церковь как бы в параличе, и это уж давно» (27; 65).) Чаадаев был убежден, что католичество — именно та форма религии, с помощью которой можно решить все наболевшие вопросы в России, а Герцен, размышляя о феномене русского католицизма, писал, что Гагарин и другие «бежали в католицизм, чтоб не

27 Цит. по: Русские католики. Иван Сергеевич Гагарин // URL: http://www.procatholic.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1595:2009-05-19-06-30-55&catid=69:2008-02-26-13-17-45&Itemid=59 (дата обращения 21.08.13).

28 «Рассказывали, например, про декабриста Л-на, что он всю жизнь нарочно искал опасности, упивался ощущением ее, обратил его в потребность своей природы; в молодости выходил на дуэль ни за что; в Сибири с одним ножом ходил на медведя, любил встречаться в сибирских лесах с беглыми каторжниками, которые, замечу мимоходом, страшнее медведя. Сомнения нет, что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже, может быть, в сильной степени, чувство страха, — иначе были бы гораздо спокойнее и ощущение опасности не обратили бы в потребность своей природы. Но побеждать в себе трусость — вот что, разумеется, их прельщало. Бесперывное упоение победой и сознание, что нет над тобой победителя, — вот что их увлекало. Этот Л-н еще прежде ссылки некоторое время боролся с голодом и тяжким трудом добывал себе хлеб единственно из-за того, что ни за что не хотел подчиниться требованиям своего богатого отца, которые находил несправедливыми. Стало быть многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стойкость и силу характера» (10: 165).

задохнуться»²⁹. Гагарин, мечтавший об обращении России в католичество и соединении славянских народов с Римской Церковью, оставался верен своей мечте до конца дней.

К Гагарину присоединился Иван Мартынов, русский дворянин, археолог, окончивший Санкт-Петербургский императорский университет с золотой медалью. Путешествуя по Европе, он встретился с известным проповедником-иезуитом Ксавье де Равиньяном, под влиянием которого решил поменять веру и сразу же подал прошение о принятии в новициат ордена иезуитов. После курсов богословия, философии, патрологии был рукоположен в сан священника.

Правительство Николая I не забывало об отступниках. Так, в 1853 году Гагарин был предан суду *in absentia* (заочно) за самовольное пребывание за границей и переход в католичество. Четыре года спустя он обратился к восшедшему на престол императору Александру II с просьбой о разрешении приехать в Россию для свидания с отцом, однако родитель, князь С.И. Гагарин, действительный тайный советник, сенатор и обер-гофмейстер, «просил оставить ходатайство без последствий»³⁰. Отпавшие от православия русские католики были лишены всех сословных и имущественных прав, въезд в Россию им был запрещен³¹.

Главной задачей русские католики из окружения Гагарина ставили всестороннее изучение России, ее истории и быта, с целью знакомить с ней иностранцев. Сочинение Гагарина «*La Russie sera-t-elle catholique?*» — «Будет ли Россия католической?» (Paris, 1856), современники воспринимали с пристрастием: одни видели в нем донос на славянофилов, другие — истовый символ веры. Декабрист Н.И. Тургенев, заочно осужденный на смертную казнь, видел в Гагарине человека, пожертвовавшего всем ради высокой, неземной цели; человека, которого должна любить и уважать всякая честная душа.

К бывшему соотечественнику и единове́рцу, живущему в чужих краях, с упреками и нареканиями обращались протоиерей И.К. Яхонтов, поэт и философ А.С. Хомяков, духовный писатель А.Н. Муравьев. Однако единодушия в отношении к Гагарину не было: его другом в России оставался Тютчев, переписку с монахом-иезуитом поддерживали братья Тургеневы, Самарин, Киреевский, Герцен, Лесков.

На Гагарине — еще с его «доиезуитского» прошлого — черным пятном лежало подозрение в составлении (или даже в авторстве?) анонимного пасквиля, который стал причиной смертельной дуэли Пушкина. Мнения

29 Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 томах. М.: АН СССР, 1954–1965. Т. 14. 1958. С. 49.

30 Мильдон В.И., Основат А.Л. Гагарин // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 509.

31 Опасность подстерегала русских вероотступников даже и вне России. Современный исследователь пишет: «Длинные руки российских секретных служб действовали и за границей. Князь Иван Гагарин, бросивший дипломатическую службу и перешедший во Франции в католичество, говорил, что у него была идея обратить в католичество всю Россию, а первым — Бенкендорфа. Русский консул в Марселе получил секретное указание при первом же удобном случае схватить Гагарина, посадить на военный корабль и отправить в Россию. Гагарин старался вовсе не ходить в гавань, если там стоит русский корабль» (Дружников Ю.И. Узник России. По следам неизвестного Пушкина. М.: Голос-Пресс, 2003. С. 254–255).

современников разделились: одни князя обвиняли, другие считали, что он низко оклеветан. Сам Гагарин в своем оправдательном письме, опубликованном в «Биржевых ведомостях» (1865, № 154), сообщал: «В Петербурге я везде бывал и почти ежедневно встречался с Л<ермонтовым>, и во все это время помину не было о моем мнимом участии в этом темном деле»³². Надо думать, если бы Лермонтов подозревал Гагарина в причастии к пасквильной истории, то не стал бы с ним видеться, тем более ежедневно. Н.С. Лесков, посетивший Гагарина во Франции, вынес убеждение в его невиновности: «Он не был человек хитрый и совсем не отвечал общепринятому вульгарному представлению об иезуитах. В Гагарине до конца жизни неизгладимо сохранялось много русского простодушия и барственности, соединенной с тою особою “кадетскою” легкомысленностью, которую часто можно замечать во многих русских великосветских людях, не расстающихся с нею даже на значительных высотах занимаемого ими ответственного положения. И.С. Гагарин был положительно добр, очень восприимчив и чувствителен. Он был хорошо образован и имел нежное сердце»³³.

«До своей смерти в 1882 году, — пишет американский славист Р. Темпест, — Иван Сергеевич Гагарин стойчески переносил остракизм, которому он был подвергнут из-за перехода в иную веру. Он был не первым и не последним мыслящим русским человеком, которого два благородных чувства — любовь к своей стране и стремление к Высшей Истине — заставили в полной мере вкусить то, что Шекспир назвал “горьким хлебом изгнания”»³⁴.

7

Но Достоевский — несмотря ни на что — оставался при своих прежних мыслях о иезуитах и глубоко страдал от возможности такой русской судьбы, как у реального князя Ивана Гагарина, вымышленных персонажей князя Петра Валковского и камергера Андрея Павлищева.

«Иезуит важный человек. Всё позволено и всё спрятано — вот» (27; 77), — запишет он незадолго до смерти. С афоризмом рифмовался каламбур: «Иезуит лжет, убежденный, что лгать полезно для хорошей цели. Вы хвалите, что он верен своему убеждению, то есть он лжет, но это дурно: но так как он по убеждению лжет, то это хорошо. В одном случае, что он лжет — хорошо, а в другом случае, что он лжет — дурно. Чудо что такое» (27; 85).

Что бы, однако, сказал Достоевский, знай он поразительную историю своего ровесника Степана Степановича Джунковского (1820–1870), виднейшего русского адепта католицизма, бывшего папского апостолического наместника арктических стран, сына тайного советника Степана Семеновича Джунковского? Речь, разумеется, идет не о члене русского семейства А.А. и

32 *Цит по: Щёголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Изд. 3-е. М.: Книга, 1987. С. 403.

33 Там же. С. 407.

34 *Темпест Р.* Между Рейном и Сеной. Молодые годы Ивана Гагарина // *Гагарин И.* Дневник. Записки о моей жизни. Переписка / Сост., вступ. статьи, пер. с французского и комментарии Ричарда Темпеста. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 48.

Е.П. Джунковских, обвиненных в жестоком обращении со своими детьми (Достоевский много писал о процессе над ними в «Дневнике писателя»). Степан Джунковский, блистательно окончивший курс в Петербургском университете со степенью кандидата, был командирован министром просвещения графом С.С. Уваровым за границу для изучения системы европейского образования. Отличаясь особой набожностью, он решил стать еще и миссионером православия среди народов Западной Европы, однако интенсивные встречи и общения уже через три года привели его к католической вере и ордену иезуитов, которому он стал служить со всем пылом неопита. В 1854 году папа Пий IX дал Джунковскому титул апостольского миссионера, назначил его начальником миссии на крайнем севере у лапландцев и эскимосов, где русский иезуит строил церкви и восстанавливал епархии. Феерический карьерный рост парадоксальным образом подтолкнул Джунковского к выводу, что римская церковь скорее преграда, чем средство для счастья человечества, так что из яркого сторонника папизма он обратился в его сурового обличителя. Нарушив принцип celibата, он женился на англичанке, потом развелся с ней, в скором времени воссоединился с православием и получил разрешение возвратиться в Россию³⁵.

Повторюсь: в 1868 году Достоевский обдумывает сюжет романа «Атеизм» с героем, который «шныряет» по религиям, монашеским орденам и сектам, обретая в конце концов «Христа и русскую землю» (28/2: 329). Годом раньше Джунковский, прощенный за вероотступничество, публикует в Москве свои «Энциклики против Рима»; двумя годами раньше — делится с читателями петербургской газеты «Русский Инвалид» впечатлениями о своей 24-летней причудливой заграничной деятельности.

Судя по тому, что Достоевский никогда не упоминал имени бывшего папского легата (и, видимо, не знал ни о нем, ни о его публикациях), он гениально угадал вектор непредсказуемой судьбы русского богоискателя в его поисках веры и истины. Недоумение действительно иногда рассеивалось.

...Диалог Ивана и Алеши Карамазовых в главе «Великий инквизитор» вырастает из многолетней напряженной страсти автора «Братьев Карамазовых», навсегда уязвленного феноменом иезуитства; из обморочного кошмара князя Мышкина, узнавшего страшную для себя новость о своем благодетеле Павлицеве; из «Дневника писателя», на страницах которого в течение нескольких лет идет поединок православной веры с атеизмом и иезуитством.

Приведу лишь резюме спора Ивана и Алеши. Алеша, прослушав «Поэму о Великом инквизиторе», говорит Ивану: «Это Рим, да и Рим не весь, это неправда, — это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты!.. Да и совсем не может быть такого фантастического лица, как твой инквизитор. Какие это грехи людей, взятые на себя? Какие это носители тайны, взявшие на себя какое-

35 См.: Черкас А. Степан Степанович Джунковский // Большая биографическая энциклопедия. Онлайн словарь. Цит. по URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/20228/%D0%94%D0%B6%D1%83%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения 21.08.13).

то проклятие для счастья людей? Когда они виданы? Мы знаем иезуитов, про них говорят дурно, но то ли они, что у тебя? Совсем они не то, вовсе не то... Они просто римская армия для будущего всемирного земного царства, с императором — римским первосвященником во главе... вот их идеал, но безо всяких тайн и возвышенной грусти... Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего крепостного права, с тем, что они станут помещиками... вот и всё у них. Они и в Бога не веруют, может быть. Твой страдающий инквизитор одна фантазия...» (14; 237).

На возражение брата Иван отвечает: «Драгоценное, однако же, сведение, несмотря на твое: “совсем не то”. Я именно спрашиваю тебя, почему твои иезуиты и инквизиторы совокупились для одних только материальных скверных благ? Почему среди них не может случиться ни одного страдальца, мучимого великою скорбью и любящего человечество? Видишь: предположи, что нашелся хотя один из всех этих желающих одних только материальных и грязных благ — хоть один только такой, как мой старик инквизитор, который сам ел коренья в пустыне и бесновался, побеждая плоть свою, чтобы сделать себя свободным и совершенным, но однако же, всю жизнь свою любивший человечество и вдруг вдруг прозревший и увидавший, что невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли с тем, чтобы в то же время убедиться, что миллионы остальных существ Божиих остались устроенными лишь в насмешку, что никогда не в силах они будут справиться со своею свободой, что из жалких бунтовщиков никогда не выйдет великанов для завершения башни, что не для таких гусей великий идеалист мечтал о своей гармонии. Поняв всё это, он воротился и примкнул... к умным людям. Неужели этого не могло случиться? <...> Кто знает, может быть случались и между римскими первосвященниками эти единые» (14; 238–239).

И самое главное: в пламенных возражениях Алеши Иван подозревает испуг брата. «Уж не думаешь ли ты, что я прямо поеду теперь туда, к иезуитам, чтобы стать в сонме людей, поправляющих его подвиг? О господи, какое мне дело!» (14; 239).

Ужасаясь перспективе повторить путь монаха Ксаверия, в миру князя Ивана Гагарина, Иван Карамазов и сообщает о роковой альтернативе: «Мне бы только до тридцати лет дотянуть, а там, — кубок об пол!» (Там же).

За свой выбор брат Иван отвечал головой.